

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-1-89-99>

Стихотворный синтаксис Феофана Прокоповича: конструкции с коннектором *аще*

Александр Александрович Лебедев¹, Наталья Викторовна Патроева²

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия*

¹ *perevodchik88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>*

² *nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>*

Аннотация. Статья посвящена анализу конструкций с союзом *аще* в стихотворениях Феофана Прокоповича, а также – в сопоставительном плане – в ораторской прозе ритора Петровского периода, в поэзии его предшественников, современников и авторов последующего периода. Предложения с союзом *аще* характеризуются с точки зрения их частотности, семантики и функционально-стилистической роли, что позволяет оценить влияние церковнославянских образцов на формирование нового синтаксического стандарта. Актуальность исследования определяется его вкладом в понимание эволюции синтаксического строя русского литературного языка в период значительных культурных и политических изменений Петровского и послепетровского периодов. Методология данного исследования включает общенаучные методы (индукция и дедукция, сопоставление и количественный метод), а также собственно лингвистические методы (лексико-графический метод, функционально-семантический анализ, контекстуальный, интерпретативный и структурный методы). Отмечается, что в поэзии Прокоповича коннектор *аще* использовался в произведениях высокого слога (панегирики, надгробные слова, «трагедокомедия», торжественная ода, кант и переложения псалмов). В стихотворениях 1730-х гг., относящихся к средним и низким жанрам, союз *аще* не употребляется Феофаном Прокоповичем, что отражает тяготение писателя к демократизации языка светской литературы, в полном соответствии с его реформаторскими идеями и тенденциями Петровского времени и последующих десятилетий. В поэтических контекстах Феофана Прокоповича союз *аще* приобретает условное значение. Единственным исключением является зачин «Епиникиона», в котором составной коннектор *аще когда* имеет сравнительное значение. Результаты исследования подтверждают особую роль поэтической речи XVIII в. в целом и стихотворного творчества Феофана Прокоповича в частности в процессе формирования новых общелитературных норм, в том числе норм синтаксических и стилистических.

Ключевые слова: риторика, Феофан Прокопович, силлабическая поэзия, ораторская проза, барокко, *аще*, коннектор

Источник финансирования. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Для цитирования: Лебедев А. А., Патроева Н. В. Стихотворный синтаксис Феофана Прокоповича: конструкции с коннектором *аще* // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 1. С. 89–99. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-1-89-99>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Poetic syntax of Theofan Prokopovich: constructions with the connector *ashche* (English *if*)

Aleksandr A. Lebedev¹, Natalia V. Patroeva²

^{1,2} *Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*

¹ *perevodchik88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>*

² *nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>*

Abstract. The article considers constructions with the conjunction *ashche* in the poems by Theofan Prokopovich, as well as – from the comparative aspect – in the oratorical prose of the Petrine-period rhetorician, in the poetry of his predecessors, contemporaries, and authors of the subsequent period. Sentences with the conjunction *ashche* are characterised in terms of their frequency, semantics, and functional stylistic role, which enables us to assess the impact of Church Slavonic patterns on the formation of a new syntactic standard. The relevance of the study is determined by its contribution towards understanding the syntactic structure evolution of the Russian literary language during the period

of significant cultural and political changes of the Petrine and post-Petrine periods. The research methodology includes general scientific methods (induction and deduction, comparison and quantitative method), as well as linguistic methods proper (lexicographic method, functional semantic analysis, contextual, interpretive and structural methods). It is noted that in Prokopovich's poetry, the connector *ashche* was used in high style works (panegyrics, funeral eulogies, "tragedocomedy" (tragicomedy), solemn ode, chant, and arrangements of psalms). In the poems of the 1730s related to the medium and low genres, Theofan does not use the conjunction *ashche*. This fact reflects the writer's gravitation towards the democratisation of the secular literature language, in full accordance with his reformist ideas, as well as the tendencies of Peter the Great's time and subsequent decades. In Theofan's poetic contexts, the conjunction *ashche* acquires a conditional meaning. The only exception is the beginning of "Epinikion". In it, the compound connector *ashche kogda* has a comparative meaning. The results of the study confirm the specific role of the eighteenth-century poetic speech in general and the poetic work of Theofan Prokopovich in particular in the process of developing new general literary norms, including syntactic and stylistic ones.

Keywords: rhetoric, Theofan Prokopovich, syllabic verse, oratorical prose, baroque, *ashche*, connector

Funding source. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

For citation: Lebedev A. A., Patroeva N. V. Poetic syntax of Theofan Prokopovich: constructions with the connector *ashche* (English if). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2025;86(1):89–99. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-1-89-99>.

Введение. В эпоху Смутного времени и Петровских преобразований постепенно происходит формирование школы русской барочной силлабической поэзии, когда стих, в его оппозиции прозе, выделяется в качестве особой подсистемы в российской словесности. Под влиянием польской виршевой лирики (Я. Кохановского и др.) Симеон Полоцкий, Мардарий Хоников, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Андрей Белобоцкий, Димитрий Ростовский и другие создатели русской силлабики в последние десятилетия XVII в. в панегирическом и дидактическом роде делают стих все более гибким и разнообразным, вполне соответствующим духу книжного «славянского»¹ языка, а не только данью европейской моде. Эту традицию продолжает в начале XVIII столетия церковный и политический деятель, «справщик» и реформатор нового языка русского просвещения, ритор, поэт, Феофан Прокопович, сопоставлявший по своей роли в становлении русской поэзии с Горацием.

Именно это сочетание в деятельности Феофана двух ролей — реформатора-«справщика» и писателя — делает изучение его

языка и слога особенно важным: до создания первой русской нормативной грамматики М. В. Ломоносовым было еще довольно далеко, когда перед сторонниками секуляризованной и европейски ориентированной русской словесности встала задача создания «простого» или «общего» русского языка, поэтому речевая практика самих нормализаторов Петровского периода является ценным свидетельством формирования нового языкового стандарта, в том числе в ораторской прозе и поэтическом слоге.

Рассмотрение текстов Феофана Прокоповича на уровне сложного предложения позволяет обратиться к дискуссионной и по-прежнему актуальной проблеме происхождения нового синтаксического стандарта книжно-литературного языка: если одни исследователи считают, что изначально и на всех этапах становления синтаксический строй русского языка «развивался по собственному пути» [Черкасова 1972: 81], то другие (например, Б. О. Унбегаун, А. В. Исаченко, Г. Хютль-Фольгер) утверждают, что в русской речи уже с начала XVIII в. и на всем его протяжении в области синтаксиса происходили глубокие преобразования путем калькирования германских и романских синтаксических образов, свидетельствующие о его коренных отличиях как от церковнославянского, так и от «приказного» языка [Хютль-Фольгер 1987: 9]; третьи отмечают, что «перелом, видимо, и в самом деле имел место, и внешние образцы сыграли в нем определенную роль, однако вряд ли при этом стоит преуменьшать значение

¹ В. М. Живов считает язык сочинений Симеона Полоцкого и его школы не стандартным церковнославянским, представленным в богослужебных текстах, а «гибридным регистром», открытым «для новых коммуникативных заданий, в том числе и для новых литературных жанров» [Живов 2017: 948].

преемственности» [Живов 2017: 962]. Соответственно, степень разрыва со старославянской традицией в синтаксисе русского литературного языка Петровской эпохи требует для своего обоснования широкого комплексного анализа на материале различных синтаксических феноменов.

Целью данного исследования является анализ конструкций с коннектором² *аще* в стихотворениях Феофана, в том числе в аспекте сопоставления с содержащими данный коннектор предложениями, используемыми в ораторской прозе и «трагедокомедии» Прокоповича, а также в поэзии его предшественников, современников и авторов последующего периода. Придаточные части сложных предложений с союзом *аще*, проанализированные с точки зрения их частотности, семантики и функционально-стилистической роли, являются благодатным объектом для наблюдений за динамикой церковнославянских феноменов в строе русского литературного языка.

Методы и материалы исследования. Методология работы в качестве основы, наряду с общенаучными методами индукции, дедукции и сопоставления, количественным приемом, включает собственно лингвистические методы: лексикографический, функционально-семантический анализ, контекстуальный, интерпретативный, структурный.

Основной материал для анализа — конструкции с дискурсивным словом *аще*, используемые Феофаном Прокоповичем в 24 стихотворениях, 11 «словах и речах»,

трагедокомедии «Владимир», вошедших в академическое собрание сочинений 1961 г. (всего 293 репрезентации), а также материалы «Словаря русского языка XVIII века»³ и Национального корпуса русского языка⁴.

Анализ. Как отмечал В. М. Живов, «в рамках петровской культурной политики церковнославянский язык начинает восприниматься как язык специфически духовный, клерикальный, противопоставленный русскому литературному языку как языку новой светской образованности. Эта смена оценок отчетливее всего заметна в изменении лингвистических взглядов Феофана Прокоповича, с 1710-х гг. главного помощника Петра в вопросах религии и церкви. Если в киевский период ритор считал славянский понятным языком, обладающим достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык. Он переносит на него те характеристики, которые Петр и его приверженцы приписывали всей традиционной религиозной культуре в целом: церковнославянский оказывается языком непросвещенным и препятствующим просвещению... непонятным и мешающим пониманию» [Живов 2017: 981]⁵, о чем говорят и высказывания самого Феофана в предисловиях к «Духовному регламенту» и «Первому учению отроком», а также осуществлявшаяся собственно-ручно Прокоповичем правка некоторых

² Авторы статьи употребляют термины *коннектор* и *союз* как родовое и видовое понятия, так как коннекторами могут являться любые служебные (союзы, предлоги, частицы), неполнозначительные (глагольные связи, вводно-модальные слова, междометия) и даже знаменательные слова (например, местоимения и местоименные наречия), которые осуществляют когезию (связность) между элементами текста (дискурса). Разные подходы к толкованию терминов *коннектор* и *союз* представлены, например, в работах Е. В. Урысон «Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей» [Урысон 2013] и Г. В. Ким «Проблемы определения и классификации коннекторов как средств выражения когезии в русском языке» [Ким 2022].

³ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб.: Наука, СПб. отд-ние, 1992–2011; Вып. 20–22. СПб.: Наука, 2013–2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru/ (НКРЯ) (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ Ср. с заключением Б. А. Успенского о том, что ранний Феофан, выступая против экспансии латыни, обосновывает необходимость использования и понятность церковнославянского языка для русских и других славянских народов, но «в дальнейшем Феофан последовательно и целенаправленно стремится к упрощению языка церковных книг, к сближению его с языком разговорным» [Успенский 1985: 123].

знаковых трудов эпохи⁶. Подводя итог характеристике языка Петровской эпохи, В. М. Живов заключает, что «сформировавшийся при Петре идиом (“петровский пул”) объединял языковые элементы, ранее соотносившиеся с разными сферами употребления, он не был привязан ни к какой письменной традиции и вследствие этого обладал потенциалом полифункциональности» [Живов 2017: 984].

Использование многозначного союза *аше* и производных от него дискурсивных средств в ораторской прозе Феофана характеризуется достаточным разнообразием и со структурной, и с функционально-семантической точек зрения, а частотность *аше*, в том числе и в «словах» петербургского десятилетия его карьеры (1716–1725 гг.), существенно превышает соответствующие показатели в произведениях его же сторонника Гавриила Бужинского, хотя оказывается почти в два раза ниже активности *аше* в творениях оппонента — Стефана Яворского. Все это демонстрирует нормализаторское стремление Прокоповича к употреблению книжно-славянских элементов в высоком слоге, сохранению культурной традиции.

Становление структурно-семантической сферы сложноподчиненного предложения в русском литературном языке Петровского времени происходило путем его взаимодействия с церковнославянскими образцами (даже если и на путях отталкивания от

них). Сокращение употребительности союза *аше* в дальнейшем ярко демонстрирует процесс постепенного отказа языковой системы от многозначных, трудно дифференцируемых и хранящих следы паратаксическо-гипотаксической диффузии элементов (подчинительных структур со следами сочинительного строя).

Семантически и структурно разнообразное употребление Феофаном союза *аше* в поэзии свидетельствует о строгом следовании автора стилистической норме складывающейся светской словесности: привлечение церковнославянских лексических и грамматических образцов в произведения «высокого» слога, к которым из разрабатываемых Прокоповичем относились панегирик, надгробное слово, «трагедокомедия», торжественная ода, кант, переложение псалма. Наряду с речевыми образцами панегирических и «надгробных» «слов», прежде всего, именно «Епиникион...» как единственное из напечатанных в XVIII столетии с указанием Феофанова авторства стихотворений (Киев, 1709 г.) мог повлиять на формирование норм нового поэтического языка.

В стихотворных произведениях Феофана Прокоповича более позднего периода, принадлежащих к среднему и низкому стилям (эпиграмма, шутливые миниатюры, стихотворения «на случай»), коннектор *аше* не используется, оставшись в творчестве Прокоповича-поэта принадлежностью высоких жанров. Показательны примеры условных и уступительных придаточных частей, используемых автором в стихотворениях первой половины 1730-х гг.:

Малое се жилище, и жители мали, *хотя* б и с хозяином к оценке предстали, Бог же ей да умножит царство всемогущий, *когда* входом ей славны и селские кущи⁷ («На приход ея императорскаго величества Анны Иоанновны, когда нас, в приморской мызке нашей, посетить изволила»);

Хвалят тебе вси явно, *хотя* не весма славно. <...> *Коли* б прадеды наши такого достали, в пустыни на Моисея век бы не роптали... («Благодарение от служителей домовых за солод нововымысленный домовому эконому Герасиму»);

⁷ Здесь и далее стихотворные тексты цит. по: Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 501 с.

⁶ По мнению В. М. Живова, правка Феофаном, например, «Истории Петра Великого» «особенно значима», поскольку Феофан, не оставив нам своего опыта грамматики русского языка, был все же «одним из главных выразителей культурной политики Петра, и его деятельность в 1717–1726 гг. столь же достоверно говорит об этой политике, как и деятельность самого царя» [Живов 2017: 958]. Написанная на гибридном церковнославянском «История Петра Великого» подверглась под пером Феофана существенным изменениям: «церковнославянский заменяется на “простой” русский язык»; в частности, союз *аше же* заменяется Прокоповичем на *а хотя* [Там же: 959], что свидетельствует о понимании стихотворцем грамматических и лексических различий между «славянской» и «великоросской» речью и стремлении к устранению смешений на синтаксическом уровне.

Если в мучительския осужден кто руки, ждет бедная голова печали и муки («К сложению лексиков»).

Таким образом, поздние стихотворения Феофана Прокоповича демонстрируют реализацию установки на создание «простого» русского литературного языка.

Л. А. Булаховский отмечал, что «обновление жанров в тридцатых годах XVIII в. и после в целом имело следствием обновление языка художественной литературы (поэзии), приближение его к русскому за счет по крайней мере наиболее обветшавших элементов церковнославянского. Уже, однако, те самые сороковые – пятидесятые годы, когда Ломоносовым создаются блестящие образцы поэтического стиля на русской основе, характеризуются тенденцией вернуть церковнославянскому языку, хотя отчасти, значение, принадлежавшее ему раньше. Полностью о возврате к нему и в это время говорить не приходится, но пietet по отношению к старинному языку возрождается вместе с национально-окрашенными настроениями, ищущими пищи в идеализированном прошлом» [Булаховский 1953: 52]. Это стремление освободить литературный язык от «нечистоты» засоренного иноязычной лексикой «пула» Петровской эпохи и возратить русской речи красоту книжно-славянских образцов обусловит изменение языковой позиции В. К. Тредиаковского, появление «Епистолы о русском языке» (1748 г.) А. П. Сумарокова и трактата «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1757 г.) М. В. Ломоносова. Ориентиром на этом пути возвращения к лучшим традициям российской книжности, пусть официально, на академическом уровне и не признаваемым, оставался для нового поколения русских писателей Феофан Прокопович, давший в своих ораторских и стихотворных произведениях для «ученой дружины» прекрасные примеры поиска и достижения гармонического соответствия между слогом, жанром, языком и художественным замыслом автора.

Коэффициенты распространенности *аще* в поэзии Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича (всего 8 примеров в его стихотворениях) оказываются гораздо более высокими, чем у других поэтов, уже с послепетровского периода: по данным поэтического подкорпуса НКРЯ, между 1714

и 2012 г. зафиксировано только 44 репрезентации коннектора *аще* в 36 стихотворных текстах, причем использование этого союза резко идет на убыль к 1730-м гг. Строки сумароковской «Епистолы»: *Коль «аще», «точию» обычай истребил, / Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?* – свидетельствуют о признании церковнославянизма *аще* «обветшалым» словом. Позднее, в рубежные десятилетия XVIII и XIX вв., союз *аще* представлен единичными примерами в духовных одах, в том числе в составе эпитафий – цитат из Библии, или в дружеских посланиях поэтов-«арзамасцев»⁸, что подтверждает общезыковую тенденцию к замене союзов, «которые были заимствованы из старославянского языка и отсутствовали в живой речи восточных славян. Сфера употребления этих союзов постепенно сужается, они становятся принадлежностью высокого стиля, а позже вытесняются из языка» [Историческая грамматика 1979: 449].

Новизна проведенного исследования состоит, прежде всего, в уточнении степени активности, семантики и условий функционирования коннектора *аще* в ту эпоху, когда начался переход от «петровского пула» к «пуристическим» тенденциям в российской словесности и особенно остро перед реформаторами русского языка встала проблема отношения к церковнославянскому лексическому и грамматическому фонду.

Категория обусловленности была к началу Петровского времени уже достаточно четко оформившейся в русском литературном языке и обладала множеством средств выражения в структуре сложноподчиненного предложения: *аще, аже, оже, еже, ежели, ес(ть) ли (бы), будет (буде), егда, как (бы), кабы, коли* и др. Однако в этом ряду традиционный церковнославянский союз *аще* занимал «господствующее положение в языке

⁸ Во времена споров между «архаистами» и «новаторами» церковнославянизм становится предметом осмеяния в качестве «обветшало» наследия. Таковы иронические строки посланий В. Л. Пушкина В. А. Жуковскому (1810 г.) и Д. В. Дашкову (1811 г.): *Свободно я могу и мыслить и дышать, / И даже абие и аще не писать; Кто нам грамматике советует учиться, / Во тьму кромешную, в геенну погрузится; / И аще смеет кто Карамзина хвалить, / Наш долг, о людие, злодея истребить.*

книжно-литературных произведений» [Коротчаева 1964: 134–135]. *Аще* входит в десятку слов, наиболее часто используемых в евангелическом тексте⁹. Э. И. Коротчаева, обобщая наблюдения над источниками XVII в., уточняет, что «в деловом языке союз *аще* почти не употребляется: его можно встретить только в духовных или особо торжественных актах. <...> Влиянием традиционного церковнославянского языка возможно объяснить проникновение союза *аще* в фольклор. В единичных случаях возможно заметить употребление *аще* в качестве условного союза в поговорах, баснях, былинах» [Там же: 137]. По подсчетам С. Е. Морозовой, сложноподчиненные предложения с *аще* составляют до 80 % всех условных союзных конструкций в посланиях Ивана Грозного и в Житии Аввакума [Историческая грамматика 1979: 234]. А. Н. Стеценко пишет, что предложения с *аще* употреблялись «в житийной литературе, в публицистической, частично в паломнической и в летописях» [Стеценко 1972: 225]¹⁰. Э. Н. Акимов на основе проведенного анализа памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.) приходит к выводу, что союз *аще* «стабильно употребляется в разножанровых текстах на протяжении всего изучаемого периода — это самый частотный союз условия» [Акимов 2006: 81].

Таким образом, накануне XVIII столетия союз *аще* сохранял еще высокую активность использования, тяготел к высоким жанровым регистрам, по преимуществу относящимся к церковной литературе. Это

обстоятельство представляется особенно важным в связи с тем, что главной сферой творческих усилий проповедника Феофана Прокоповича была ораторская проза: торжественные «слова», надгробные речи, панегирики. Разумеется, Феофану, выпускнику Киево-Могилянского коллегиума, была прекрасно известна и житийная, и летописная традиция; наряду с библейскими, цитаты из святоотеческой литературы, образы из летописных сводов, старорусских памятников в стиле «плетения словес» часто встречаются в речах и стихотворениях Феофана. Вместе с лексикой, топикой и фразеологией клерикальных и исторических источников усваивался грамматический строй образцовой традиции: формы старых глагольных времен, падежных окончаний, степеней сравнения, периоды и другие фигуры речи, союзы сложного предложения, прочие средства «украшенной» речи.

По данным основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка», союз *аще* представлен 3433 примерами, зафиксированными в 616 текстах между 1700 г. и началом XXI в. Коэффициент частотности у Феофана Прокоповича составляет 6,7 в похвальных и надгробных «словах», а также в прологе к «трагедокомедии» «Владимир», написанных между 1705 и 1725 г. (по нашим данным, 289 вхождений в 12 произведений), т. е. в среднем 24 репрезентации на одно произведение, в том числе в составе библейских цитат¹¹. Этот коэффициент оказывается гораздо ниже, чем у приверженца старой книжно-языковой традиции Стефана Яворского (23 %; в 5 текстах 790 примеров использования *аще*), но выше, чем у сторонника Петровских реформ, соратника Феофана проповедника

⁹ См.: Баранов В. А., Зуга О. В. Опыт количественного исследования Пантелеймонова Евангелия конца XII — начала XIII в. (три статистических эксперимента) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 6. С. 43–57. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.4>.

¹⁰ См. также: Юрьева И. С. К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 1. С. 305–331. <http://doi.org/10.31912/pvrl-2021.1.16>; Попович А. И. «Аще идолом не кланяемся, а греху всяко поклоняемся»: топика языческого жертвоприношения в проповеди конца XVII в. // Шаги / Steps. 2023. Т. 9, № 1. С. 29–46. <http://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-29-46>.

¹¹ Например: Показует и Псаломник в подобии соиздания и глаголет: «Аще не господь соизидет дом, всеу трудишася зиждующий» («Слово в неделю осмуонадесять, сказанное в Санктпитебурхе, в церкви Живоначальной Троицы, во время присутствия Его Царского Величества, по долгом странствии возвратившагося, чрез ректора, честнейшаго Отца Прокоповича», 1717 г.); Глаголет Иоанн апостол: «Аще кто речет, яко люблю бога, а брата своего ненавидит, ложь есть; ибо нелюбай брата своего, его же виде, бога, его же не виде, како может любити» («Слово о власти и чести царской...», 1718 г.).

Гавриила Бужинского (2,45 %; 84 вхождения *аще* в 4 произведениях)¹².

«Словарь русского языка XVIII века» в толкование вокабулы *аще* включает примеры из речей Феофана Прокоповича, в которых встречаются и составные образования *аще бо*, *аще (же) бы*, *аще ли*, а также иллюстрирует, наряду с условным и уступительным смыслами, присоединительное значение, напоминающее о том периоде развития строя сложного предложения в церковнославянском и древнерусском языках, когда еще недостаточно дифференцированной оставалась семантика многих служебных слов:

АЩЕ, союз и частица. Слав. **1.** союз. **1.** условный. Если. Присоединяет придат. предложения, содержащие реальное условие, при котором реализуется действие главного предложения. <...> **Аще бо** (ащебо) <...> **Аще бо** не доброе, то злое будет. Пркп. СР II 217. <...> **||** С частицей **бы**. Присоединяет придат. предложения, обозначающие возможное, желательное, предполагаемое условие. <...> **Аще бы** громы по члвчческому говорити умѣли, тое развѣ витийство было бы достойно к славѣ сей. Пркп. Полт. 8. | кн.-слав. *сослагат.* <...> **Аще же бы**. Кн.-слав. **Аще же бы** кто внѣ такового строения пожити с людми хотѣл, увѣдал бы тотчас, как не добро без власти. Пркп. Ц. вл. 7. <...> **2.** уступит. Хотя. Присоединяет придат. уступит. предложения. <...> **Аще** присоединяет условно-уступит. придаточные предложения. Бунты оные донские и астраханские, **аще** не тайное было дѣйствие супостат наших видимых, то содѣйствия было на видимаго врага. Пркп. Полт. 7. <...> **3.** присоединит. Присоединяет изъяснит. придат. предложения. Кто же не видит **аще** не тако дѣется и в ближних себѣ народѣх, **аще** не тожде содѣяся и в сосѣдах наших, просияла по лютых временах. црская в России корона: воспламенися тот час в ближнем сем и инных народѣх зависть от гордыни. Пркп. Полт. 3. <...> **5.** разделит. (при однородных членах предложения). Или .. или; ли .. или; будь то .. или. В нейже <св. Екатерине> ясно увидим силу слова онаго: крѣпка, яко смерть любви, **аще** на любовь ея к Бгу, **аще** на любовь

¹² Для сопоставления со светскими источниками: Петр I употребил *аще* 77 раз (2 текста в НКРЯ; коэффициент 2,24); И. И. Лепехин использовал *аще* 106 раз в одном из своих произведений, представленных в НКРЯ (коэффициент 3,09), что свидетельствует о сохранении этим союзом достаточно высокой активности в научной и учебной литературе Петровского периода.

к ближнему посмотрим. Пркп. День Ек. 2. <...> **Аще** .., **аще** ли. Повинитесь всякому члвчу созданию, Гсда ради: **аще** црю яко преобладающе: **Аще ли** же князем, яко от него посланным. Пркп. Ц. вл. 8...¹³.

Стихотворения Феофана являют гораздо более скромную палитру примеров использования церковнославянизма *аще*, однако редкие случаи (всего 8 примеров в 4 произведениях) употребления этого союза только подчеркивают его представленность в тексте. Так, именно с *аще* в сочетании с *когда* начинается знаменитый «Епиникион...» 1709 г.:

Аще когда найпаче ныне нам желати / Достоит многих устен, ибо ниже златый / Орган рифмоторческий воспети довлеет / Нашей ныне радости, ниже что успеет / Ветийских устен слово.

Это начало свидетельствует о неоднозначности семантики коннектора *аще* в данном контексте: зачин накладывает на семантику *аще когда* дополнительную сравнительную и усилительную функцию, а условное значение отступает на второй план. Начало приведенного зачина может быть переведено с гибридного

¹³ Применяемые в статье условные сокращения, принятые авторами «Словаря русского языка XVIII века»:

Пркп. День Ек. — Феофан Прокопович. Слово похвальное: в день святых великомученицы Екатерины... Сказанное... чрез ректора, честнейшего отца Прокоповича. СПб.: Санкт-Петербургская тип., 1717. 10 л.

Пркп. Полт. — Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской: Сказанное... чрез честнейшего отца, ректора Прокоповича, июня в 27 день 1717. СПб.: Санкт-Петербургская тип., 1717. 12 л.

Пркп. СР — Феофана Прокоповича... Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные. [1706–1735]. СПб.: Тип. при Сухопутном Шляхетном Кадетском корпусе, 1760–1774. Ч. 1–4.

Пркп. Ц. вл. — Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской, яко от самого бога в мире учиненна есть, и како почитати царей, и оным повиноватися людие должныствуют... СПб.: Санкт-Петербургская тип., 1718. 19 л.

церковнославянского регистра как *Боле, чем когда-либо, теперь следует желать нам...*¹⁴.

Если сопоставить «Епиникион...» с панегириком того же 1709 г. «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу, в лето господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной», то легко убедиться в подобии начал «слова» и «победной песни»:

Егда пресветлое пресветлаго величества твоего лице, царскою честию и дивною неописанной победы красотою сияющее, в сем нашем, паче же твоём, жительстве (еже есть верх благополучия нашего) видети сподобляемся, пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монарху и преславный войск свейских победителю, кое иное дати тебе приветствие и что большее в дар гостинный имамы принести тебе? Разве неслыханной сей богом тебе и тобою всем нам дарованной победы похвалу и рождшейся от нея общей всероссийской радости извещение. *Аще бо* и не требует словес наших твоя по всей селенной проходящая нынешняя слава — толь многия бо имеет проповедники, коль многия слышатели вести сей обретает, — обаче от нашей части должно есть, да не молчаливи будем мы, иже под высокою твоею державою пребывающий и победительным оружием твоим храними, егда и иноземный роды и страны велегласно гласят победу твою и о ней тебе торжественно сорадуются.

Вплетаемое в третье предложение зачина слово *аще* в ораторской прозе получает вполне однозначное прочтение в функции уступительного союза *аще бо*. Вероятно, в подражание прославляющим Петра Великого

панегирическим произведениям своего литературного наставника Феофана Антиох Кантемир в 1730 г., начиная оставшуюся незаконченной поэму «Петрида», использует во вступлении также 13-сложную силлабическую строку с союзным сочетанием *аще когда*: *Музы! аще когда бысть иным просить вольно / Вас в помощь, мне паче всех причины довольно / Требовать то...* [Кантемир 1956: 241].

Далее в «Епиникионе...» *аще* употребляется Феофаном дважды в составе слова Божия и в описании его деяний:

«Всеу, — рече, — вся сия вражия наветы,
Да и всю лютость и вес изнурит яд зверный,
Хотя церковь попрати и род благоверный.
Аще рука зменнича тебе прилучися,
О свею, моя, яже в силе прославися
И сотре ад, десница со Петром на брани
Будет, и узрим, коей победа ждёт страны».
В полках же православных Бог
непостижимый,
Хотя им дати крепость и щит нерушимый,
Всех сердца осязает и мысли подробно,
И, *аще* страх и трепет или неудобну
Ярость ко согласию тайне ощущает,
Изъемлет...

Здесь условный союз *аще* создает аллюзии, напоминающие читателю о библейских временах и событиях.

Еще одну репрезентацию *аще* находим в канте «Кто крепок на Бога уповаю...». Дата создания этой песни Феофаном Прокоповичем неизвестна, но можно предположить, что произведение, в отличие от «Епиникиона...», было написано уже в поздний период жизни и творчества Феофана, когда после смерти Петра Великого его сподвижник претерпел много испытаний и интриг со стороны своих соперников за церковную власть и политическое влияние: *Аще мир сокрушен распадется, сей муж ниже тогда содрогнется...* — тогда же, когда и переложения псалмов 36 и 72. В этом контексте коннектор получает условный смысл.

Переложения псалмов 36 и 72 («Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72») опубликованы как принадлежащие А. Д. Кантемиру, однако Т. Е. Автухович, проведя тщательный анализ историко-биографических обстоятельств создания переложений и их поэтики, установила, что автором этих двух произведений был не Антиох Кантемир, а Феофан Прокопович [Автухович

¹⁴ В польском варианте текста, созданного Феофаном после «славеноросского» оригинала, на месте церковнославянского *аще когда* находим условный составной союз *Jeżeli kiedy (ежели когда)* — см.: Panegyricus de celeberrima et paena inaudita victoria, quam Petrus Primus D. G. rex, totiusquae Rossiae monocrator etc. de universis Suecorum exercitibus deo juvante reportavit anno domini 1709, Junio die 27. dictus Kijoviae, in Ecclesia Kathedrali Sanctae Sophiae, in conventu publico, suaeque ipsius Sacratissimae Maiestatis presentia, anno eodem, Julij die 10. Kijoviae (Kiev): In Typographia Monasterii Kijovo-Peczerensis, 1709. 24 с. (Без пагинации.)

1986: 154–160]¹⁵. «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72» содержат любимый Феофаном-ритором церковнославянизм *аще* [Кантемир 1956: 252]¹⁶: здесь условный союз *аще* сопрягается с формами будущего времени или сослагательного наклонения: *Аще из земли престанут реки / Истекати...* [Там же: 255]; *И аще бы был и всегда счастливый, / Ты о том желчен не будь и гневливый...* [Там же: 252] — ср. с кантом «Кто крепок, на бога уповая...». Это соответствует общей модальной стратегии условных придаточных, в которых, «в отличие от предложений, выражающих причинно-следственные отношения, не дается реально существующее явление, за которым с необходимостью следует другое явление. Условное всегда дается как предположительное» [Лавров 1941: 5]; в связи с этим закономерно полагать, что условные союзы сформировались из коннекторов (частиц) вопросительных конструкций [Там же: 6]). Предикаты со значением предположения о будущем, оппозитивности, долженствования соответствуют не только семантике условности в сложноподчиненных конструкциях, но и самому наставительному для грядущих поколений, предписывающему характеру дидактической поэзии и переложений Псалтири.

И. З. Серман указывал на тесную связь с «Псалтырью рифмованной» переложений псалмов 36 и 72, на тенденцию к «обмирщению» библейских мотивов [Серман 1962: 225–226, 232]. Это подтверждается и материалом условных придаточных: Симеон

¹⁵ См. о спорах вокруг атрибуции текстов в связи с авторством Феофана Прокоповича: Еремин И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 506–510; Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII века // Русская литература. 1976. № 2. С. 91–94; Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2002. 608 с.; Буранок О. М. Лирика Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века. Самара: Научно-технический центр, 2005. 145 с.

¹⁶ Уточним, что в «Псалтири» псалом 36 не содержит союза *аще*, а в псалме 72 есть строка 15, начинающаяся словами: *Аще глаголахъ...* (см.: [Псалтырь с поминовением 2000: 83–87, 170]).

Полоцкий в своих виршах многократно использовал союз *аще* (по нашим подсчетам, не менее 45 репрезентаций в стихотворениях, вошедших в сборник [Русская силлабическая поэзия 1970]), предложив тем самым своим последователям речевые образцы, связывающие светское поэтическое искусство с библейским слогом.

Выводы. Материал, извлеченный из произведений Феофана Прокоповича и «Словаря русского языка XVIII века», позволяет заключить, что старославянская лексическая стихия играла важнейшую роль в разножанровом творчестве Феофана-ритора, хотя в его книжно-письменный слог вторгались и новые речевые веяния (заимствования из западноевропейских языков), диалектные и просторечные элементы, о степени распространенности которых в духовных и светских произведениях великого ритора Петровской эпохи можно будет судить только после тщательного контент-анализа и возможного в будущем создания писательского словаря Феофана Прокоповича.

Коннектор *аще* активно используется Феофаном в его школьной драме («трагедокомедии») «Владимир» 1705 г., речах 1709–1725 гг., однако уже в «словах» панегирического и надгробного характера 1720-х гг. частотность *аще* начинает существенно сокращаться. В поэзии Прокопович применяет церковнославянский союз редко и только в высоких жанрах торжественной оды, духовного канта и переложениях псалмов, что свидетельствует о соблюдении Феофаном в своем поэтическом творчестве поддержанной Петром Великим установки на демократизацию слога, создание «простого» гражданского языка для сферы светской словесности.

Употребление *аще* Феофаном Прокоповичем совершается в предложениях условного характера, за исключением зачина «Епиникиона...», в котором коннектор получает менее свойственное ему, судя по словарным материалам, сравнительно-усилительное значение. Широта семантического спектра *аще* (в том числе в сочетании с элементами *бо*, *когда* и пр.) стала, наряду с библейским и проповедническим стилистическим ореолом союза, одной из основных причин достаточно резкого

выхода из употребления, начиная с рубежа 1720-х и 1730-х гг., старославянизма, не выдержавшего конкуренции с коннекторами *если, когда, хотя*.

Отказ Феофана от использования *аще* в стихотворениях среднего и низкого стилей соответствовал магистральным тенденциям в развитии русского литературного языка и российской поэзии послепетровской эпохи.

Судьба коннектора *аще* в русской поэзии свидетельствует о том, что эволюция русского синтаксиса шла по собственному пути, постепенно освобождаясь от влияния церковнославянских образцов, хотя преемственность языковых традиций играла в этом процессе важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72» // XVIII век. 1986. Т. 15. С. 154–160.
2. Акимова Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006. 240 с.
3. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 2 (исторический комментарий). 4-е изд., испр. и доп. Киев: Госучпедгиз «Радянська школа», 1953. 436 с.
4. Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. Т. 2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 480 с.
5. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение / под ред. акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1979. 462 с.
6. Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. 546 с.
7. Ким Г. В. Проблемы определения и классификации коннекторов как средств выражения когезии в русском языке // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. 2022. № 1(294). С. 179–184. http://doi.org/10.47438/2309-7078_2022_1_179.
8. Коротаева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. Л.: Наука, 1964. 252 с.
9. Лавров Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 144 с.
10. Псалтирь с поминовением живых и усопших. М.: Трифонов Печенгский монастырь; Новая книга; Ковчег, 2000. 368 с.
11. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / общ. ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970. 422 с.

12. Серман И. З. «Псалтирь рифмовторная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 214–230.

13. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972. 360 с.

14. Урысон Е. В. Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 3–24.

15. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 216 с.

16. Хютль-Фальтер Г. Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского литературного языка // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1987. № 33. S. 7–21.

17. Черкасова Е. Т. К вопросу о самобытности синтаксического строя русского языка // Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 77–81.

REFERENCES

1. Avtukhovich T. E. On the authorship of "Metaphrasis ps. 36" and "Metaphrasis ps. 72". XVIII vek = XVIII century. 1985;(15):154–160. (In Russ.)
2. Akimova E. N. Realization of the category of conditionality in the language of written monuments of the Russian Middle Ages (11th–17th centuries). Saransk: Mordovian University Press, 2006. 240 p. (In Russ.)
3. Bulakhovsky L. A. Course of Russian literary language: in 2 vol. Vol. 2 (historical commentary). 4th ed., revised and supplemented. Kiev: Gosuchpedgiz "Radyanska shkola", 1953. 436 p. (In Russ.)
4. Zhivov V. M. History of the language of Russian writing: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2017. 480 p. (In Russ.)
5. Historical grammar of the Russian language: Syntax. Complex sentence / Acad. V. I. Borkovsky (ed.). Moscow: Nauka, 1979. 462 p. (In Russ.)
6. Kantemir A. Collected poems. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1956. 546 p. (In Russ.)
7. Kim G. V. The problems of defining and classifying connectors as a means of expressing cohesion in the Russian language. Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2022;(1):179–184. (In Russ.) http://doi.org/10.47438/2309-7078_2022_1_179.
8. Korotaeva E. I. Union subordination in the Russian literary language of the 17th century. Leningrad: Nauka, 1964. 252 p. (In Russ.)

9. *Lavrov B. V.* Conditional and concessive sentences in Old Russian. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 144 p. (In Russ.)
10. Psalter with commemoration of the living and the departed. Moscow: Trifonov Pechenga Monastery; Novaya Kniga; Kovcheg, 2000. 368 p. (In Russ.)
11. Russian syllabic poetry of the 17th–18th centuries / V. P. Adrianova-Peretz (ed.). Leningrad: Sovetskii pisatel', Leningrad Branch, 1970. 422 p. (In Russ.)
12. *Serman I. Z.* "Rhyming Psalter" by Simeon Polotsky and Russian poetry of the 18th century. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury = Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. Vol. 18. P. 214–230. (In Russ.)
13. *Steisenko A. N.* Historical syntax of the Russian language. Moscow: Vysshaya Shkola, 1972. 360 p. (In Russ.)
14. *Uryson E. V.* Syntax of conjunctions and connectors and valency theory. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 2013;(3):3–24. (In Russ.)
15. *Uspensky B. A.* From the history of the Russian literary language of the 18th – early 19th century. Karamzin's language program and its historical roots. Moscow: Moscow University Press, 1985. 216 p. (In Russ.)
16. *Hüttl-Folter G.* The linguistic situation of the Petrine era and the emergence of the Russian literary language. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1987;(33):7–21. (In Russ.)
17. *Cherkasova E. T.* To the question of the originality of the syntactic structure of the Russian language. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 1972;(5):77–81. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александр Александрович Лебедев, кандидат филологических наук, доцент

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка

Aleksandr A. Lebedev, Candidate of Science (Philology), Associate Professor

Natalia V. Patroeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Russian Language Department

---

Статья поступила в редакцию 19.07.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 25.09.2024.

The article was submitted 19.07.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.